

Балкон с кружевными занавесками

Молодые чиновники подсмеивались и острились над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия. <...> Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним. <...> Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены.

Н. В. Гоголь. «Шинель»

ББАЛКОНЧИК в её новой квартире совсем крохотный – двоим будет тесно, толком не повернёшься, а уж три человека смогут поместиться, только если встанут в ряд, плечом к плечу. Но это совсем не важно: главное, что балкон есть, а выходить туда всё равно, кроме Лизы, никому.

Заботливый муж с ямочкой на подбородке, похожий на Алена Делона; дети – непременно мальчик и девочка... Собственная просторная квартира с большой кухней, вид из окна на парк или детскую площадку, уютный аромат корицы и яблок... Широкий балкон, утопающий в цветах, невесомые кружевные занавески, которые колыхнутся на лёгком ветерке...

Таким было счастье в понимании Лизы.

Со временем идиллическая эта картина менялась. Из неё выпадали целые куски: годам к тридцати поплёк и выцвел образ будущего мужа, к сорока пропала надежда родить. Желанная квартира съежилась в размерах – много ли нужно одной? Вид из окна перестал иметь значение. И только балкончик с белыми занавесками и цветами в красивых ящиках застрял в воображении, закрепился прочно и стал чем-то вроде маяка.

Выбирая будущую квартиру, Лиза первым делом спрашивала, есть ли балкон. Один из вариантов был, как сказала риелтор Эльмира, «просто шикарный за такие деньги». Тихий район недалеко от центра, третий этаж, свежий ремонт. И хозяйева порядочные, и документы собраны. Но она всё равно отказалась, краснея и еле дыша под

уничжительным Эльмириным взглядом. Балкона-то не было!

Лет пятнадцать назад в здании заводского управления, где на тот момент трудилась Лиза, сделали ремонт. Перекрасили стены, поменяли мебель, выбросили оставшееся с советских времён барахло. Собирались отправить на свалку и уродливые прямоугольные ящики для цветов из коричневого пластика.

Лиза не позволила. Притащила домой, в свою комнатку в заводском общежитии, и долго, вечерами напролёт, колдовала над ними: расписывала, украшала каждый на свой лад – ракушками, узорами из цветного солёного теста, камушками. Обновлённые, похорошевшие, скучали они на антресолях, терпеливо дожидаясь своего часа. Иногда Лиза забиралась на табуретку, снимала ящики с верхотуры, рассматривала и представляла, что в какой из них высадит: в этот – герань, сюда – вьюны, а вот тут станут расти любимые фиалки.

Балкон, которого не было, становился всё наряднее и краше.

Мечта – вернее, то, что осталось от её первоначального варианта – сбылась, когда Лизе стукнуло пятьдесят. Помимо юбилея произошли два печальных события, имевших прямое отношение к исполнению желания. Так часто бывает в жизни: плохое тянет за собой хорошее, и наоборот.

Событие первое – Лизу выгнали из общежития, в котором она жила с того дня, как окончила институт и устроилась на завод в Казани, вопреки бабушкиному желанию отказавшись вернуться в Алексеевское.

Завод закрылся ещё в начале девяностых, но в течение двадцати пяти лет никому не было дела до живущих в блочной пятиэтажке бывших заводчан. Лиза из своего планового отдела перешла на работу в АХЧ – административно-хозяйственную часть торгового центра.

– Оссподи, АХЧ! – закатывала глаза бабушка. – Ну и названьице! Будто чихнул кто-то.

Гром грянул внезапно – в один из самых обычных дней, как это всегда и случается. Погоду худо-бедно можно спрогнозировать, чтобы принять соответствующие меры, но человеческую подлость, жадность или глупость – почти никогда.

Впрочем, в данной ситуации виноватых, кроме Лизы, не было.

Ей объяснили – и привели при этом железобетонные аргументы – что поскольку она имела несчастье быть уволенной с несуществующего уже в природе предприятия, то и жить в принадлежавшем ему общежитии не имеет права.

– Неужели вы всех нас выселите? У многих ведь дети... – робко, вполголоса возмутилась Лиза, как обычно, подумав не о себе, а о других.

Тут и выяснилось, что пока она расписывала цветочные ящики, её соседи занимались приватизацией своих комнат. Теперь они были собственниками, а собственников вытурить невозможно. Лизе же и ещё нескольким таким же неразумным надлежит освободить помещение.

Наверное, можно было как-то оспорить это, куда-то пойти, кому-то что-то доказать, но Лиза понятия не имела, куда, кому и что. Поэтому ей ничего не оставалось как отправиться вместе со своими ящиками, занавесками и прочими пожитками к бабушке, в Алексеевское.

Анне Иосифовне было восемьдесят восемь лет. Бабушкой она стала в тридцать восемь, что окончательно и бесповоротно испортило её и без того непростой характер. Дочь, из-за легкомыслия которой свершился сей досадный факт, Анна Иосифовна именовала не иначе как «эта вертихвостка». Когда Лиза была совсем крошкой, она думала, что маму так зовут. Она любила её – немного искусственной, теоретической что ли, почти выдуманной любовью, а ещё сильно, до слёз, жалела, и при этом боялась найти в себе хоть какое-то сходство с родительницей.

Отца своего Лиза не знала, мать по-

пала под машину, когда ей было два года. Всё, что делала «эта вертихвостка», было достойно порицания. Даже дорогу нормально не смогла перейти – угодила под колёса. Так что главной задачей воспитания Анна Иосифовна считала искоренение малейшего сходства внучки с непутёвой матерью.

И всё-таки «вертихвостка» так и норвила высунуться в самый неожиданный момент, поэтому никакого доверия к Лизе не было. Бабушке приходилось постоянно держать руку на пульсе.

Когда внучка приезжала из Казани навестить её, у них каждый раз происходил такой разговор:

– Лиза, пойдти, вымой руки! – кричала Анна Иосифовна. Она была глуховата.

– Конечно, бабуль, я и сама собиралась, – послушно отзывалась та и шла в ванную.

– Собиралась она... – Анна Иосифовна двигалась следом, караулила возле двери: – С мылом вымыла?

Бабушка инспектировала внучку пункт за пунктом, критиковала и поучала. Надела ли тёплые штаны? А шерстяные носки? Намазала ли нос оксолиновой мазью от ОРВИ? Джинсы – это дурной тон. Юбка в клетку противопоказана женщинам с фигурой типа «груша». Только человек с полным отсутствием вкуса мог купить куртку такого вызывающего цвета. Длинные волосы после сорока пяти – это неприлично.

Дедушка, бывший фронтовик, умер восемь лет назад. Анна Иосифовна горевала и негодовала. Лизе казалось, она посчитала его смерть предательством и обиделась.

Это был добросердечный, улыбчивый, молчаливый человек. Отказать любимой внучке мог только в одном случае: когда девочка просила его рассказать «про войну». Отказ был категоричен и твёрд, хотя, по мнению Лизы, поведать деду было о чём: и наград не счесть, и даже настоящий боевой револьвер имеется.

Востроносый наган, заботливо завёрнутый в мягкую тряпочку, лежал в дальнем ящике шкафа. Тут же, рядом, –

патроны в коробке. Время от времени дед доставал оружие из шкафа, чистил и смазывал. Лиза в таких случаях всегда вертелась рядом и, как замороженная, смотрела на револьвер в дедушкиных руках.

Руки у него были добрые и чуткие, совершенно необыкновенные: они мастирили поделки из палочек, шишек, кусочков ткани; ремонтировали мебель и технику, чинили обувь, рисовали забавные картинки, пришивали оторванные пуговицы, гладили Лизу по волосам. Представить себе, поверить в то, что эти же самые руки поднимали оружие, бестрепетно направляли его на живого человека, Лиза не могла. Наверное, дедушка и сам не мог. Поэтому и молчал про то далёкое время.

– Дедуль, а как твой пистолет стреляет?

– Во-первых, Лисёнок, – дед часто называл внучку этим ласковым прозвищем, – это не пистолет, а револьвер. А если точнее, наган из семейства револьверов. Называется он так, потому что его придумали братья Леон и Эмиль по фамилии Наганы. А во-вторых, видишь круглую штуковину? Это барабан. – Дедушка нажал на кнопку с левой стороны. – Видишь, барабан выбрасывается в сторону, и патроны – их всего семь штук – вставляются вот сюда, в гнезда. – Он показал Лизе, как это делается, и ловким движением вернул барабан на место. – Теперь нужно взвести курок, прицелиться и посильнее нажать на спусковой крючок – вот на эту хитрую закорючку.

– Ой, дедуль, всё равно ничего не пойму!

Лиза любила деда больше всех на свете, с ним единственным ей было легко и спокойно. Страшно представить, как она будет жить без него с бабушкой – в закрытом коконе квартиры, в поминутном напряжении.

Однако до этого не дошло, поскольку сразу вслед за первым случилось событие номер два. Бабушка умерла.

Лиза мучилась совестью. Во-первых, потому что считала себя плохим, дур-

ным человеком: она не хотела жить с бабушкой – а та взяла и освободила её от этой необходимости, и теперь укоризненно глядела на внучку с большого портрета в тяжёлой деревянной раме.

Второе проистекало из первого: жить в бабушкиной квартире было невыносимо. Лиза слышала её голос, вопрошающий, чистыми ли руками она режет картошку для супа. Чувствовала укоризненный взгляд, когда лень было пропылесосить палас. Видела застывшую в дверном проёме, заледеневшую от негодования высокую фигуру, если собиралась поесть перед телевизором в большой комнате.

Воспоминания гнали прочь, толкали в спину. Кроме всего прочего, в квартире, где прошло всё её детство, отсутствовал балкон. Так Лиза решила съездить на переезд.

Сорваться с насиженного места, продать квартиру в Алексеевском и купить в Казани было равносильно полёту на Луну. Но она сделала это гигантское усилие, гордилась собой и казалась сама себе дерзкой и отчаянной. Чувство было непривычным и вызывало неловкость, как новое платье чересчур смелого покроя.

Впервые войдя полноправной хозяйкой в своё новое жилище, Лиза с восторгом оглядела каждый угол. Не страшно, что «трёшка» превратилась в «однушку», ведь тут ей предстояло ощутить, что такое свобода. А разве свобода может стеснить?

Она, как зачарованная, бродила по комнате, кухне, прихожей, и, немного стыдясь себя самой, нежно гладила стены. Это место было волшебным: оно принадлежало ей – только ей одной!

У Лизы было немного денег, и она принялась вдохновенно тратить их на обустройство своего гнезда.

«Отложи!» – стучался в уши командирский голос покойной бабушки.

– Ты умерла! Тебя нет! – громко проговорила Лиза, впервые в жизни осмелившись открыто перечить ей, и затолкала портрет Анны Иосифовны подальше в шкаф.

Первой вещью, которую она приобрела, были занавески из белого тюля, кружевные и воздушные. Лиза повесила их на застеклённом балконе. Стояла, глядя на двор сквозь тончайшую завесу, и чувствовала, что абсолютно, до самого донышка, счастлива. От этого пронзительного, сладостного ощущения внутри неё пела туго натянутая звонкая струна, покалывало кончики пальцев и хотелось смеяться.

Некоторые растения были немедленно высажены в ящики, хотя, конечно, делать это лучше по весне. Ничего, говорила себе Лиза, на будущий год весь балкон будет в зелени и цветах.

Стояло лето – благодатная, долгожданная пора. Отпуск у Лизы закончился, но впервые она ничуть не грустила по этому поводу. На работе все удивлялись, глядя на неё. Она помолодела лет на десять, походка стала танцующей и лёгкой, а взгляд – загадочным и сияющим. Все думали, что Лиза наконец-то нашла мужчину. Как говорится в подобных случаях, запрыгнула в последний вагон.

А она приходила домой – в свой собственный тихий рай. Готовила ужин, заваривала чай. Отправлялась с чашкой на балкон, усаживалась на табуреточку и не спеша выпивала ароматный напиток, вприкуску с шоколадом, наслаждаясь каждым мгновением.

Так продолжалось до тех пор, пока соседи с верхнего, пятого, этажа не вернулись из деревни. Случилось это в конце августа.

Раздался крякающий, подвизгивающий треск – распахнулось окно:

– Духотища! – услышала Лиза громкий женский голос. – Упрела вся!

– И воняет, как будто сдох кто-то! – откликнулся мужчина.

– Щас просквозим. – Женщина говорила ещё что-то, но уже из глубины квартиры, слов было не разобрать.

– Эх, мать честная! – проговорил её собеседник и чиркнул спичкой.

В воздухе поплыл запах сигаретного дыма. Лиза поспешно закрыла балконное окно и ушла в комнату.

Села на диван, глядя прямо перед собой, и просидела так почти час. Её хрустальный мирок не рухнул, но пошатнулся: она чувствовала себя Робинзоном, который вдруг обнаружил, что на его остров высадились людоеды.

С возвращением соседней ежевечерний ритуал потерял всякое очарование. Лиза открывала форточку в кухне, балконную дверь и окно – иначе было слишком жарко. Продолжала выходить на балкон, но почти всегда ей приходилось ретироваться обратно: соседи беспардонно вторгались в её уединение.

Они держали окна нараспашку, говорили, не пытаясь понижать голоса, смотрели телевизор, включая звук так громко, что Лизе было слышно каждое слово. Скорее всего, эти двое и не подозревали о её существовании, а вот Лиза знала, что у них кончилась туалетная бумага или мыло, была в курсе того, что они едят на ужин, когда собираются навестить внуков.

Мужчину звали Петром, его спутницу – Дорой. Странное, непривычное имя, которое муж во время ссор превращал в дуру, неподдельно восторгаясь собственным остроумием. Супруги постоянно собачились по пустякам, но дружно объединялись против зятя, которого оба терпеть не могли.

Несколько раз Лиза видела их в подъезде: крупные тела, мясистые руки, крепкие затылки. Шлёпанцы Доры звонко щёлкали по пяткам. Петра сопровождал едкий запах табачного дыма: сигарета, казалось, росла из угла его рта, и правый глаз был вечно прищурен. От обоих волнами шло ощущение животной силы и непробиваемого здоровья.

«Ничего, скоро наступят холода», – уговаривала себя Лиза, надеясь защититься от соседней плотно закрытым стеклопакетом.

Но вскоре случилось страшное. Пётр выбросил очередной окурочок, он залетел к Лизе и прожёл тюль. Кружевная занавеска была безнадежно испорчена: в ней появилась бурая бесформенная дыра.

Лиза не могла заставить себя ис-

кать в происшедшем хорошее и думать: слава богу, не случилось пожара. Она с болью глядела на испорченную завесь, сквозь которую ей так нравилось смотреть на мир, и плакала.

А затем вытерла слёзы, сняла обезображенную занавеску и отправилась к соседям. Они должны были увидеть, что натворили, – и извиниться, и пообещать больше не делать ничего подобного. Лиза не собиралась предъявлять претензии, требуя купить новую вещь. Она лишь надеялась, что Пётр и Дора, чувствуя свою вину, станут вести себя тише.

Звонок коротко дзинькнул, но дверь долго не открывали. Лиза хотела было позвонить ещё раз: не слышат, наверное. Но в ту же минуту перед ней возникла Дора. Колоссальная, фундаментальная, Человек-Гора.

– Ну? – коротко прогудела она.

В прихожей сытно пахло жареной картошкой.

За спиной Доры надрылся телевизор: в новостях, по обыкновению, сетовали на беспросветную жизнь украинского народа.

– Добрый вечер! – пискнула Лиза. – Я ваша соседка снизу.

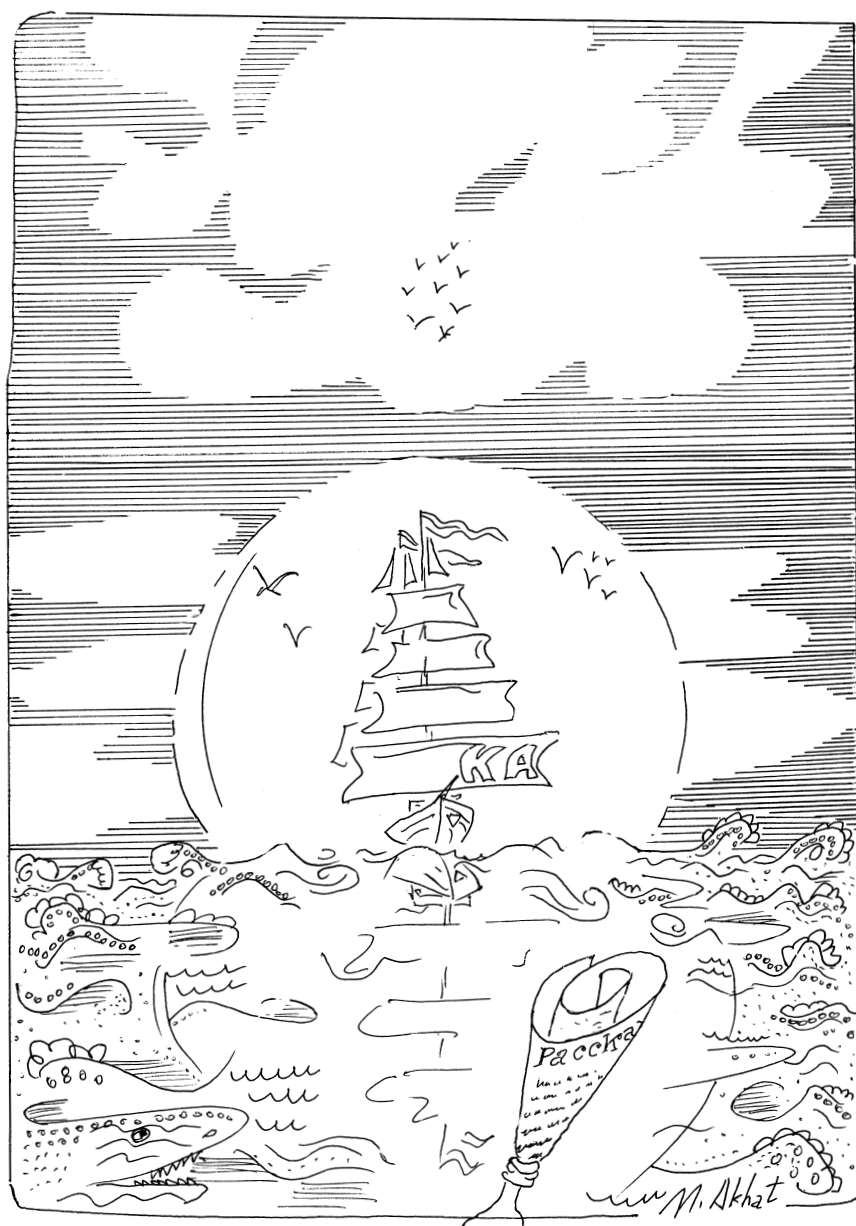
– Ну? – опять спросила Дора, не меняя интонации.

– Видите ли... вы... точнее, ваш муж, – заговорила Лиза, путаясь в словах, сама ощущая все эти беспомощные многоточия. – Сигарета упала и прожгла мою занавеску.

Она наконец-то договорилась и теперь в доказательство протягивала Доре тюлевый комочек. Та стояла, недвижимая и невозмутимая, расставив ноги, как боец на ринге. Молчание длилось несколько секунд, а потом Лизу завалило словесным камнепадом:

– И чё ты мне свою тряпку тычешь? Сама прожгла, а мы виноваты? Умная такая, что ли? Иди, ищи дураков в другом месте! Ишь ты, курица!

Бац – и дверь захлопнулась у Лизы перед носом. Ей показалось, что её облили ледяной водой. Руки и ноги онемели, горло сжалось, уши заложило.

Она вернулась к себе, прижимая к груди изувеченную занавеску, заперла дверь и остаток вечера слушала, как Дора и Пётр на все лады костерят «стерву» и «прощелыгу» с нижнего этажа, которая «припёрлась», чтобы содрать с них кучу денег за дырявую тряпку.

Лиза выбросила занавеску в мусорное ведро, закрыла балконное окно,

которое было теперь беспомощно-голым, и решила, что больше ни за что не станет открывать его – по крайней мере, пока Дора и Пётр не уедут в свою деревню.

Её крошечный мирок стал ещё меньше.

Нужно просто перестать обращать на них внимание! Но штука была в том,

что, приняв такое решение, она никак не могла его выполнить. Как в притче про Ученика, который искал просветления, получил от Мастера совет никогда не думать про белых обезьян, и с тех пор думал о них постоянно. Она поневоле прислушивалась, готовилась к худшему – и худшее было тут как тут.

Обычно Лиза ложилась рано: в десять старалась уже быть в постели. В её квартире слышалось лишь тиканье часов – зато наверху кипела жизнь.

Всегда так было или началось лишь после её визита?

Она не могла вспомнить, как ни старалась.

Соседи с грохотом раскладывали диван, обрушивая его прямо на голову Лизе. Телевизор не смолкал ни на минуту. Дора и Пётр, похоже, специально расходились по разным углам квартиры и перекрикивались друг с другом. По полу стучали пятки, половицы скрипели и стонали, что-то падало, громыхало, трещало...

Лиза лежала, уставившись в потолок, не смыкая глаз, и слушала эту какофонию, а за полночь, когда шум стихал, уснуть не получалось, как ни старайся. Разгуляла сон, как говорила бабушка.

Прошла неделя, минула вторая. Всё повторялось вечер за вечером, ночь за ночью. Лиза крутилась в кровати, кое-как засыпала под утро и с трудом просыпалась под хлопотливый звон будильника. Вставала с чумной головой и плелась на работу. В середине третьей недели, когда соседи не утомнились и в час ночи, Лиза не выдержала.

На сей раз дверь отворилась быстро – Дора будто караулила возле неё. Вид у женщины был торжествующий, и это не оставляло сомнений, что она ждала прихода соседки.

– Вы не могли бы вести себя потише? Уже поздно, – проговорила Лиза, опустив приветствие. Она осатанела от бессонницы и, должно быть, поэтому говорила отрывисто, не запинаясь.

Дора сладострастно усмехнулась, предвкушая скандал, и пошла в атаку:

– Тебе чего надо, а? Мы чё, песни

поём? Гулянки у меня тут? Пенсионеры – живём, никого не трогаем! Вы поглядите-ка! Ходит и ходит!

За её спиной вырос муж. У него был большой вислый нос и круглые совиные глаза, подбородок зарос пегой щетиной. Пётр с хрустом поскрёб его и равнодушно оборонил:

– Чё тут у вас?

Дора подбоченилась и вдруг выдала:

– Так ты, может, к мужу моему таскаешься, на ночь глядя?

– Чего несёшь-то? – изумился тот.

Лиза онемела от неожиданности.

– Знаем мы таких! – гаркнула Дора.

– Мышь мышью, а к чужому мужику подбирается!

Лиза больше ничего не смогла произнести, не сумела опровергнуть сказанного Дорой и попросту сбежала.

У себя она снова заперлась на все замки, но дом больше не был её крепостью. Казалось, эти стены предали Лизу, и не было на свете места, которое приняло бы её. Не было человека, который захотел бы ей помочь.

В ту ночь она быстро уснула – точнее, мятущееся сознание заволкло темнотой, и она ухнула в какую-то яму. Там, в запредельном мире, явились ей во сне дед и бабушка.

Анна Иосифовна стояла в дверях старой, проданной Лизой квартиры, и смотрела на неё – не то с жалостью не то с неудовольствием. Дед сидел на своём любимом месте, в кресле возле окна, возился с наганом, вертел его в руках, не глядя на внучку.

Ни он, ни она не произнесли ни слова, но Лизе показалось, будто они хотят что-то сказать. Проснувшись, она пыталась сообразить, что именно, но у неё ничего не вышло.

На работе выяснилось, что Лиза позавчера заказала полироль для мебели вместо геля для чистки унитазов. Перепутала. И теперь полироли столько, что ею уже вполне можно торговать, а вот отскрести белые чаши оказалось нечем.

– Лиз, как так вышло? – недовольно

нахмурилась администратор Венера. – Ты очень странная в последнее время. Случилось что-то? Не заболела?

Коллеги замечали неладное в поведении Лизы. И поскольку сама она не спешила прояснить ситуацию, мнения разделились: одни полагали, что Лизу бросил недавний кавалер, другие – что женщина чем-то больна. Уборщица Раиса решительно настаивала на онкологии.

Так что, несмотря на досаду, Венера замерла в ожидании.

Участие в её голосе внезапно прорвало заградительный барьер, и Лиза, обычно не склонная откровенничать, разрыдалась и сквозь слёзы пожаловалась на соседей. «И только?» – хотела сказать разочарованная таким прозаическим исходом дела Венера, но смолчала. А потом дала ценный совет – сходить к участковому.

Надо же, как всё просто, счастливо размышляла Лиза, шагая вечером к пункту полиции, который располагался в соседнем доме. И как она сама не додумалась? Куда же ещё обращаться человеку в её положении, как не туда? В полиции обязательно должны помочь, сделать строгое внушение буянам.

– От меня-то вы чего хотите, голубушка? – ласково спросил Лизу участковый, улыбаясь смущённой, извиняющейся улыбкой человека, у которого в неподходящее время громко заурчало в животе.

Полицейский был моложе Лизы лет на двадцать, но обращался к ней снисходительно, именуя дурацким словом, которое устарело, когда он ещё и не родился.

– Чтобы вы сходили к ним, поговорили. Повлияли как-то.

– Так ведь они ничего противоправного не делают, голубушка, – развёл руками участковый. Был он длинный и худой, как полвесла, за столом сидел, сложившись пополам, и ноги его торчали, почти доставая до Лизиного стула.

– Но как же так – ничего? – изумилась Лиза. – Ведь они мне спать не дают, мешают! Шумят...

– А может, это не они шумят, а у вас уши слишком чувствительные? Люди, как я понимаю, немолодые, компании для распития спиртных напитков у них не собираются. Музыка на всю мощь не орёт. Другие соседи на них не жалуются.

– Так им не слышно ничего! – принялась объяснять Лиза. – Квартиры у нас угловые, сбоку соседи только с одной стороны, а там прихожая, санузел. Сверху над ними нет никого – последний этаж. Только я...

– Вот, голубушка! – участковый поднял указующий перст. – Это верно замечено – только вы! Кто докажет, что они в самом деле делают всё, что вы тут наговорили? Да и что такого особенного делают? Ну, мы же с вами взрослые люди! Хоть сами себя-то слышите? «Стучат ногами по полу», «с грохотом раскладывают диван», «громко говорят»...

Дав Лизе от ворот поворот, участковый, тем не менее, оказался человеком обязательным, и в ответ на поступившую жалобу нанёс визит Доре и Петру. Но лучше бы не наносил, потому что стало только хуже.

Супруги, разумеется, скроили удивлённые мины и принялись всё отрицать. А весь дом, в котором Пётр и Дора прожили много лет, а Лиза – несколько месяцев, узнал, что она женщина непорядочная, склочная, без царя в голове, да вдобавок ещё и на чужих мужей заглядывается.

Лиза не могла выйти из подъезда, чтобы не натолкнуться на чей-нибудь укоризненный, любопытствующий, неприязненный взгляд. Всем подряд объяснять ситуацию не имело смысла, и она спешила проскользнуть мимо, отчего жильцы укреплялись в мысли, что Дора говорит правду, и Лиза виновата во всех жутких прегрешениях против добрососедства.

Иногда Лиза думала вступить в борьбу: тоже начать включать громко телевизор, или даже купить пианино – она умела играть. Но вовремя поняла, что это будут слышать жильцы третьего этажа, и её репутация, от которой и без

того оставались одни лохмотья, будет разорвана окончательно.

Наступил октябрь, и как-то сразу сильно похолодало, зарядили дожди. Ветер с размаху, яростно швырял в окно пригоршни воды, словно кирпичи, и Лиза вяло думала, что стекло может не выдержать. Однако выдерживало, конечно.

Однажды Лиза увидела на улице Эльмиру – риелтора, которая советовала ей купить совсем другую квартиру, ту, где не было балкона. Женщина не заметила Лизы, и та юркнула в первый попавшийся магазин, чтобы не встретиться с ней. Сердце жгло: она боялась, что Эльмира поинтересуется, как ей живётся на новом месте, и по опрокинутому, несчастному Лизинуму лицу поймёт – как, и станет смеяться над ней. А если посочувствует, так ещё хуже: тут недолго и расплакаться от стыда, сознания непоправимой ошибки и собственной глупости.

На работе всё валилось из рук. Дом Лиза запустила: ей больше не хотелось намывать окна и драить полы, как раньше. Мебель постепенно покрывалась пылью, из холодильника неприятно пахло.

Растения давным-давно засохли и пожелтели, и теперь из серой сухой земли торчали жалкие, понурые стебельки и палочки. С цветочных ящиков потихоньку облезала краска, в нескольких местах отвалились ракушки и нарядные разноцветные камушки.

Не защищённое занавеской окно притягивало взгляд: Лиза глядела вниз, во двор, и ей казалось, что смотрит она не с балкона, а из окна одиночной камеры.

Всё день за днём умирало – и балкон, и вся квартира, и Лиза.

Она купила успокоительные таблетки и глотала их горстями, однако спала так же плохо. Издевательства над ней продолжались, и ждать, что Доре и Петру это надоеет, не приходилось. Один раз Лиза встретила соседку одну на лестнице и спросила, глядя ей прямо в глаза:

– Зачем вы меня мучаете? Что я вам сделала?

Та не стала отрицать, не пожалала плечами, не покрутила пальцем у виска – мол, с ума сошла, о чём это ты?!

– Терпеть таких не могу, – выплюнула Дора, – тихушниц. Интеллигентка! – Это было произнесено, как ругательство. – Вышныривают, вынюхивают, а потом стучат.

Она была убеждена в своей правоте и, толкнув худенькую Лизу мощным каменным боком, прошла дальше.

Даже если наверху было тихо, даже если Лиза не слышала соседей, сама включая телевизор, ей всё равно было не по себе. Тягостное чувство не оставляло ни на секунду, душа была не на месте. Вот-вот могло случиться что-то нехорошее, и бедняга втягивала голову в плечи, ожидая оплеухи.

«Вот и всё», – подумала она однажды, и мысль эта теперь не покидала её голову. Что – «всё»? Лиза и сама не знала, но была в этой фразе та окончательность, та безнадежность, что лежала на сердце давящей тяжестью, не позволяя дышать.

Двадцатого октября ей вновь приснился дедушка. На этот раз он был один, сидел на том же месте и смотрел на Лизу.

– Неправильно это, – проговорил он и прибавил строго: – Нельзя терпеть такого безобразия, Лисёнок!

Голос прозвучал, но движения губ она не заметила. В ту же секунду дедушка схватил чашку, которая стояла перед ним на столе, и с размаху ударил об пол.

Резко громыхнуло, и Лиза открыла глаза. Оказывается, она каким-то чудом умудрилась заснуть: на часах – десять пятьдесят. Разбудила её не брошенная дедом чашка, а назойливый стук над головой.

Молотком колотили по полу: возможно, Пётр приколачивал плитус. Тум-тум-тум – через одинаковые промежутки времени, с монотонной тупой равномерностью. Лизе казалось, что ей в голову вбивают огромные гвозди.

Хотелось заткнуть уши, но она понимала, что это не поможет.

Лиза откинула одеяло, села, поднялась на ноги – и всё это время ей казалось, что она наблюдает за своими действиями со стороны. Это была она и не она. Быть может, настоящая Лиза осталась спать, продолжая видеть во сне умершего дедушку.

Она повернула голову в сторону балкона. Того самого, который ей грезился, который Лиза с такой любовью обживала, подгоняя под свою мечту.

– Неправильно это. Нельзя такое терпеть... – задумчиво произнесла она, повторяя чьи-то, недавно сказанные слова.

Только чьи? Вспомнить не удавалось, и Лиза оставила попытки. Вместо этого, действуя почти механически, как заводная игрушка, подошла к шкафу, открыла дверцу и достала то, что лежало на третьей полке сверху, спрятанное от посторонних глаз и, как обычно, завёрнутое в мягкую тряпицу.

Поднимаясь по лестнице некоторое время спустя, она чувствовала в руке успокаивающую тяжесть и думала – вскользь, мимоходом – что прежде лишь дважды держала в руках эту замечательную вещь. В первый раз, когда забирала из проданной квартиры и укладывала в одну из коробок, второй – когда доставала из коробки и помещала на полку.

Сработает – нет? Она понятия не имела.

А впрочем... Надо только поднять руку, навести в нужную сторону. Это как раз не составит никакого труда, ведь объект будет так внушителен, что промахнуться невозможно, подумалось Лизе, и она хихикнула, как маленькая девочка. После останется взвести ку-

рок, потянуть изо всех сил спусковой крючок и...

«Бум!» – прокатится по всему подъезду.

«Вот и будет им «бум» на их «тум-тум-тум!» – ещё одна забавная мысль. Подходя к двери Петра и Доры, Лиза заулыбалась.

Чуть раньше, у себя в квартире, она увидела, что в барабане, утопленные в свои ячейки-гнездышки, сидят два патрона. Точно два – надо же! Больше-то и не нужно. Лиза покрутила барабан, как показывал дедушка, чтобы подкатить патроны к стволу.

Должно сработать, а как же? Дедушка ведь следил за наганом, ухаживал, он всегда всё делал, как следует.

Но ведь дед давно умер...

Лиза нахмурила брови, силясь припомнить, когда же именно это случилось. В прошлом году? Или раньше? Нет-нет, что за ерунда! Она, вроде бы, видела дедушку совсем недавно, и он сказал ей что-то очень важное!..

Разумеется, так и было. Именно поэтому она и идёт сейчас наверх.

Последняя ступенька осталась позади, и Лиза чётким солдатским шагом подошла к знакомой двери – бордовой, деревянной, с хищно поблескивающими замками.

Свободной рукой пригладила волосы, расправила складки на ночной рубашке. «А халат-то и забыла!» – спохватилась Лиза. Неприлично появляться на людях в таком виде, но не возвращаться же обратно, когда ты уже пришла и стоишь на пороге!

Ни о чём более не раздумывая, Лиза потянулась вперёд, вдавила вглубь кнопку звонка и услышала знакомую трель.

За дверью раздались шаги.

